

ОСОБЕННОСТИ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ: ИСТОКИ И ФОРМЫ

*Дмитрий Люшкин
Казанский государственный университет*

Авторитарный стиль управления, знаковый для российской государственности, не предполагал наличия у населения прав или свободной воли. Некоторые русские государи, так и впрямь не видели разницы между населявшими их спальни и кабинеты оловянными солдатиками и подданными. Поэтому процессы социальной динамики, проходившие вдали от плацев и проспектов, интересовали столичных администраторов в самую последнюю очередь. Россия на протяжении веков рассматривалась ими как инструмент удовлетворения амбиций и преодоления комплексов. Страна оставалась площадкой для смелых экспериментов, необозримость пространств которой, могла соперничать разве что с бесчисленностью её населения (что, кстати, долгое время гарантировало от катастрофических последствий реформаторства). Долгое время сегментируя и структурируя общество в видах наилучшего устройства «тягла» и «службы», правительство, а следом за ним и казённое обществоведение, полагало (и полагает), что адекватно представляет социальную структуру российского социума, хотя просчёты двадцатого века трижды заканчивались катастрофой государственных механизмов, у руля которых находились люди, уверенные в том, что нажимают на нужные педали.

Российское население представляет из себя сообщество, исследованное едва ли лучше, чем племена Амазонии. Его социальная структура результат анастрофических процессов, интенции которых лишь иногда опосредовались государством, несмотря на декларируемые его агентами намерения контролировать все сферы частной и публичной жизни. Географические и исторические условия бытования России предопределили формирование в её составе социокультурных общностей, географическая локализация которых существенно отличается от современного национально-административного деления РФ, что обуславливает специфические проблемы как при идентификации, так и при её изучении. Поэтому осознание мировым научным сообществом необходимости разворачивания комплексных программ изучения идентификации населения 1/7 поверхности Земли не может вызвать ничего кроме энтузиазма. В дискурсивной формации «новой исторической науки», интегрирующей парадигмы истории и социологии, проходит формирование дискурса «локальной истории», отражающего неудовлетворенность генерализирующей и квантитативной историей и тенденцию к «гуманизации» социальной истории, к тому чтобы вновь поставить в центр исследования специфику человеческого опыта переживания исторических событий и процессов. «Локальная история» позволит, если и не сразу ответить, то корректно сформулировать вопрос: Кто же живёт в России?

Массовизация российского общества, сопровождавшая модернизаторские усилия правящих элит в конце XIX–XX веках, инициировала такие подвижки общественного сознания, вектор которых до сих пор остаётся вне рамок научного анализа, а промежуточные результаты (до конечных дело ещё не скоро дойдёт) не оценены даже приблизительно.

Можно выделить две основные причины подобного положения дел. Во-первых, имперская, а затем и советская модернизация обусловили рурализацию России, которая, однако, не сопровождалась адекватными культурогенными процессами (они были заблокированы по идеологическим соображениям), что обернулось маргинализацией социума. Основные характеристики сформировавшейся массовой культуры не коррелировали ни с ценностями общинно-вотчинной традиции, ни с идеологемами коммунизма. Сознание массового общества оказалось не сориентировано в предлагаемой государством системе координат. Соответственно, большинство индикаторов и управленческих схем, задействованных на советском и постсоветском пространстве оказались неэффективны, а использование инновационных методик управления массами, порой приводило к аномальным реакциям, ужасавшим даже самих политических и социальных акторов. При всём этом население регионов современной России, демонстрирует сходные реакции на аналогичные внешние раздражители, что позволяет тестировать наличие массового сознания, локализация вариантов которого и основные параметры не улавливаются исследовательскими процедурами, эксплуатируемыми ныне отечественной академической наукой. Имперская, конфессиональная или этническая идентификация в российской провинции имеют фантомный характер. Люди относительно уверенно идентифицируют себя лишь на семейно-функциональном уровне.

Во-вторых, в пределах специализации, сложившейся в советской науке, локальная история оказалась отдана на откуп региональным научным элитам, структура которых сложилась по итогам хрущёвской «коренизации». Провинциальные академические сообщества гуманитариев, в том виде в каком они существуют на сегодняшний день, в лучшем случае не в состоянии эффективно осуществлять исследова-

тельские программы (в худшем – они активно противятся внедрению новых аналитических подходов, усматривая в этом угрозу своим статусным и меркантильным интересам).

Предлагаемая в рамках реализации данного проекта анализа региональной идентификации и самоидентификации программа исследований включает в себя проведение в Поволжском регионе серии исследований в дискурсе «локальной истории», которые позволят разработать оригинальные методики и схемы изучения идентификации населения провинциальной России и создать независимую исследовательскую сеть в регионе.

В качестве рабочей гипотезы выдвигается сформулированный на базе предварительных исследований региональной истории и социальной структуры тезис об отсутствии у жителей российской провинции социально структурированной и политически скоординированной идентификации, вместо которой утвердилась анастрофически ставшая, маргинальная, массовая культура, основные параметры которой остаются неизвестными.

Разворачивание исследовательских усилий в 2001–2005 годах возможно в формате «кейс-стади», усилиями региональных исследовательских групп, составленных из специалистов не включённых в номенклатуру академической элиты, что позволит получить независимые, адекватные результаты и существенно сократит расходы на проведение исследований, позволит приобщить к жизни мирового научного сообщества молодых, талантливых специалистов, отеснённых на исследовательскую периферию академической бюрократией; и, в перспективе, создать устойчивую и эффективную исследовательскую и аналитическую сеть в провинциальной России. Существование автономной сети позволит в полном объёме и с наибольшей отдачей задействовать исследовательский и профессиональный потенциал

академической науки. Интеллектуальные результаты исследовательской работы позволят сформулировать основные проблемы, связанные с идентификацией и самоидентификацией российского социума, представить мониторинг массового сознания, сегментировать население в границах культурных сообществ и субкультур, представленных в социальной структуре провинциальной России.

Дальнейшее развитие программы исследования идентификации будет способствовать не только формулировке и уточнению задач проекта, но и получению ответов на основные вопросы исследовательской программы, расширению географических рамок исследования, углублению и коррекции методов анализа, повышению качества мониторинговых данных.

Усилия исследовательских групп в Поволжье предполагается координировать с работой исследовательских групп по реализации проекта в других регионах. Изучение региональных вопросов должно быть подчинено достижению общей цели проекта.